

Дания: Ведение войны другими методами

DuVall & Ackerman, A Force More Powerful. A Century of Nonviolent Conflict

Дания оккупирована

Когда 9 апреля 1940 года над городами и каналами Дании опустился закат, датчане уже не контролировали свою страну. За ночь немецкие войска подавили военные подразделения Дании на островах Зиланд, Ютланд и Фин. Столица была занята с такой же легкостью. Военное судно Хансенстадт Данциг пришвартовалось в самом центре столицы. К пяти часам немецкие войска взяли под контроль расположенный над затокой древний форт Цитадель. 70 датских солдат были взяты в плен без единого выстрела.

Над столицей Дании появились немецкие бомбардировщики. Они пролетали довольно низко и можно было различить опознавательные знаки люфтваффе. Листовки, которые они сбрасывали, обосновывали нацистскую агрессию желанием "предотвратить оккупацию Дании Британией". Основной целью было запугать датчан и вынудить их молча подчиниться. "Мы вскочили с постелей, выглянули в окно — немецкие самолеты опускались на город... В этот момент мы поняли, что произошло нечто ужасное, — Дания оккупирована!", — вспоминает Юта Бранн, продавщица одного из магазинов Копенгагена.

Когда в сентябре 1939 Гитлер оккупировал Польшу и начал Вторую мировую войну, ни один военный стратег, ни один мировой лидер не оставлял Дании ни малейшего шанса на успешное противостояние немецкой агрессии. "Я не могу упрекнуть Данию, если она просто сдалась под натиском нацистов", — сказал Уинстон Черчилль в феврале 1940 года. "Две другие скандинавские страны, Норвегия и Швеция, хотя бы отделены рвом, через который они могут кормить тигра, но Дания расположена настолько близко от Германии, что попытки помочь ей были бы обречены."

Король Дании Кристиан X и датское правительство осознавали угрозу, но понадеялись на пакт о ненападении, заключенный с Германией в мае 1939 года. Гитлер лично постарался укрепить иллюзию о добрых намерениях Германии, заявив в обращении к Рейхстагу 6 октября, что в отношениях с Данией создано "лояльное и дружественное партнерство". Но вскоре мир узнал, что нацисты предпочитали иметь не друзей, а вассалов.

Немногие датчане предвидели это в 1939 году. Когда началась война, Дания была единственной страной в Европе, сокращавшей вооружения. В день оккупации вооруженные силы Дании составляли 15 000 солдат, что было немногим больше половины прежних сил страны. Несмотря на перевес сил, немецкие стратеги тщательно подготовили кампанию, поскольку понимали, что согласованные действия датского сопротивления могут поставить под угрозу своевременную реализацию плана захвата Норвегии. Германии необходим был массированный удар.

За пять дней до этого командир батальона, ответственного за захват Копенгагена, прибыл лично осмотреть столицу. Под видом обычного бизнесмена он изучил набережную и выбрал место основной высадки. Затем он посетил Цитадель, в которой размещался генеральный штаб датской армии. Солдаты тепло приветствовали гостя и представили его сержанту, который показал бизнесмену штаб главного командования, центр связи и основные ворота. Немец оставил форт не имея серьезных сомнений в успехе предстоящей операции.

Вечером накануне агрессии командующий операцией генерал Курт Химер вызвал посла Германии в Дании Сесила фон Рензе-Финка и вручил ему ноту, которая спустя несколько часов была передана правительству Дании. Опытный дипломат Рензе-Финк, имеющий тесные связи с Данией, был поражен — это был ультиматум, требующий от Дании подчинения. Текст утверждал, что немцы прибыли для защиты от британских сил и предотвращения плана превращения Скандинавии в театр военных действий. Сообщалось, что Германия не имеет воинственных планов, но любое сопротивление будет подавлено. Ультиматум заверял датчан, что немцы "не будут нарушать территориальную целостность и политический суверенитет Дании".

Созванное в дворце Амалиенборг королем Кристианом совещание кабинета проходило на фоне стрельбы в городе. В числе других присутствовали премьер-министр Торвальд Штаунинг и министр иностранных дел Эдвард Мунк. Оба настаивали на повиновении. За несколько минут до шести утра, король согласился. Генерал Химер, видевшийся с ним немного позже, вспоминал, что король выглядел "замкнувшимся в себе", но "не подающим вида, что удручен". Король заявил, что "он и его правительство готово сделать все возможное ... чтобы избежать столкновений между немецкой армией и страной. Он хотел уберечь страну от дальнейших неприятностей".

В конце дня датчане чувствовали разочарование. В обращении к народу Штаунинг призвал "соблюдать закон" и действовать по отношению к немецким войскам "корректно". "Правительство Дании решило определить условия страны относительно оккупации", — объяснил он. "Правительство действует в полной уверенности, что спасает страну от еще более ужасной судьбы... мы надеемся, что население будет сотрудничать."

Это было подчинение, но не капитуляция — политика, цеплявшаяся за полезную идею, что страна хотя и была оккупирована, но не была повержена и сохранила суверенитет. Эта политика сотрудничества (samarbejdspolitik) также была направлена на сохранение максимального пространства для национального самоопределения. "9 апреля мы могли совершить героическое самоубийство", — сказал позже датский историк Палле Лауринг. "Целью стало выживание". Не все датчане согласились. Первым широко известным актом сопротивления датчан стало заявление посла страны в США о том, что он отныне является "свободным" послом Дании.

В тот момент никто не подозревал, что эскалация достигнет масштабов всемирного конфликта, который охватит страны всего мира и поглотит миллионы жизней. Руководство Дании предполагало, что конфликт вскоре закончится объединением Европы под контролем

Гитлера. И если это произойдет, думали они, сохраненный суверенитет Дании обеспечит ей особый статус под защитой Германии и в немецком рейхе страна будет исключением. По их мнению, сотрудничество было меньшим злом.

Нацисты со своей стороны хотели держать датчан в послушании и использовать их рабочую силу, сельское хозяйство, природные ресурсы. Желание нацистов найти общий язык с правительством оккупированной страны выглядело разумной политикой, направленной на сохранение рабочих мест и производственных связей. Продукция легкой промышленности, военная техника и комплектующие, сладости и другие продукты пользовались у нацистов хорошим спросом.

Для обеспечения мира в Дании немцы были готовы существенно отклониться от модели поведения в других оккупированных странах. Чиновникам вермахта было запрещено покупать нормированные датские товары. Также было запрещено распространять немецкую армейскую газету. Специальный циркуляр предписывал солдатам вежливое отношение к местному населению, запрещал вступать в политические споры, а также напоминал, что местные вовсе не враги, а братский народ, который занимает привилегированное положение в нацистской расовой иерархии.

Агрессоры видели соседнюю страну "образцовым протекторатом", который должен был убедить мир в цивилизованности нацистов. Кроме того, управление подчинившейся страной требовало бы присутствия меньшего военного контингента. Когда началась такая оккупация, многие ощутили своего рода облегчение, поскольку такое положение отодвигало военные действия, а совет короля соблюдать спокойствие не был лишен смысла.

Хотя в Дании были свои нацистские и националистические партии, политический декорум страны держал их в маргинесе, не допускал политических крайне идеологических и часто насильственных столкновений, которые происходили на улицах многих других европейских городов под нацистской оккупацией. Поскольку государственные институты Дании продолжали функционировать и символы датской власти сохранились, необходимость сопротивления ощущалась датчанами не так остро, а отказ подчиняться уже был своего рода сопротивлением.

И все же многие датчане чувствовали унижение и-за того, что страна не сражалась. Они считали подчинение лидеров слишком быстрым. На протяжении столетий датчане сражались с немцами за Шлезвиг, — быть ли ему южной провинцией Дании, либо северной землей Германии. Поверженные в датско-прусской войне 1864 года датчане в течение десятилетий подвергались преследованиям и укреплялись в убеждении, что немцы — враги. Внешне спокойное отношение датчан и официальное умиротворение скрывало боль. "Было очень мало физического сопротивления," — вспоминает Герберт Пандик, в то время тринадцатилетний школьник, — "Однако уже тогда можно было ощутить, что датчане не собирались приветствовать немцев".

Что означает "быть хорошим датчанином"?

Когда нацисты вторглись в Данию, Арне Сейр был семнадцатилетним студентом и жил с родителями в Шлагелсе - небольшой деревне на западе острова Силанд. Он был поражен, когда 9 апреля по дороге в школу увидел людей, приветствовавших солдат, а также слушателей, которые аплодировали немецкому военному ансамблю, исполнявшему на открытом воздухе датские произведения. В местной газете он обнаружил призыв короля Кристиана вести себя так, как это подобает хорошим датчанам. "Что означает "быть хорошим датчанином"? — спросил себя Арне. "Как действуют хорошие датчане, когда их страна оккупирована врагом?!"

Он вернулся домой и составил 10 заповедей датчанина (Danskerens 10 bud) и напечатал 25 копий следующего содержания:

1. Не надо ехать работать в Германию или Норвегию;
2. Работать на немцев надо плохо;
3. Работать на немцев нужно медленно;
4. Выводите из строя важное оборудование и инструменты;
5. Уничтожайте все, что может быть выгодно немцам;
6. Задерживайте движение любого транспорта;
7. Бойкотируйте немецкие и итальянские фильмы и газеты;
8. Не покупайте ничего в немецких магазинах;
9. К предателям относитесь так, как они этого заслуживают;
10. Защищайте преследуемых немцами.

Присоединяйтесь к борьбе за свободу Дании!

Затем Сейр составил список самых влиятельных граждан Шлегелсе, в том числе мэра, банкиров, врачей, журналистов. На следующую ночь он ебехал на велосипеде их дома и разбросал Десять заповедей в почтовые ящики. Вскоре выяснилось, что за маской благодарности немцам его соотечественники скрывали серьезный дух сопротивления, для которого Сейр нашел новые способы выражения. Он с друзьями засыпал сахар в бензобаки немецких автомобилей и армейских транспортных средств и по всей стране рассылал почтой адресованные старшекласникам антинемецкие листовки. Вскоре его десять заповедей переходили из рук в руки и в конечном итоге стали священными для ведения датчанами

национального сопротивления.

В мае несколько молодежных групп встретились в Копенгагене под руководством профессора богословия Хала Коха и учредили Ассоциацию датской молодежи, направленную на сохранение датской идентичности и демократических ценностей. Кох также собирал большие аудитории на широко освещаемые прессой лекции по истории Дании, которые подчеркивали необходимость национальной солидарности против немецкой оккупации и датских нацистов. Оккупация датского государства, утверждал он, не сводила на нет силу и легитимность датской нации.

Этот усиливающаяся атмосфера подъема национального духа наиболее сильно ощущался на собраниях местных сообществ, которые часто превращались в огромные мероприятия. 4 июля около 1500 человек собралось недалеко от города Ольборг и пели песни о войне с Германией, смелости датских солодат и их девушек. На протяжении августа и сентября в подобных фестивалях приняло участие 750 000 людей. 26 сентября на празднование семидесятилетия короля Дании тысячи людей заполнили улицы Копенгагена и пели песни в честь человека, который был национальным символом. "Это не была провокация для немцев. Много людей со всего Копенгагена просто собралось и пело", - вспоминает Жетти Бранн. Прямой вызов оккупантам нарушил бы правительственную политику сотрудничества, тогда как культурные мероприятия могли быть исключительно аполитичными.

Косвенно они все равно оспаривали идею немецкого господства. Иначе массовые настроения, возможно, были бы депрессивными. Хотя движение сопротивления сформировалось только в 1941 году, фестивали и другие ежедневные акты символического протеста заложили его психологический фундамент — примерно так же спустя три десятилетия деятельность профсоюзов и несогласной интеллигенции в коммунистической Польше создали социальное пространство для оппозиции, хотя и не сразу переросла в движение.

Датские журналисты также играли важную роль в подготовке сопротивления уже на ранних его стадиях. Вскоре после вторжения немецкий пресс-атташе лично посетил пресс-бюро Министерства иностранных дел Дании, чтобы ввести цензуру: все иностранные новости и редакционные материалы должны быть проверены заранее, критика оккупационных сил запрещена, военные новости любого характера не могли быть напечатаны без предварительного одобрения.

Но датские СМИ, привыкшие к полной свободе, ответили завуалированным презрением. Ежедневная газета "Ekstrabladet" напечатала статьи с двойным интервалом, намекая, что читать надо между строк. Дикторы радио "Kalundborg" и радио "Копенгаген" часто начинали цензурированные военные новости вступлением "А сейчас вы прослушаете последнее немецкое коммюнике" и завершали стандартным "Вы прослушали последнее немецкое коммюнике". Все это с сильным оттенком сарказма.

Не все датчане были готовы открыто противостоять оккупантам, однако в стране вряд ли оставались те, кто не чувствовал себя гражданами своей страны. Люди готовы были взять на себя ответственность за то, как выглядит их страна, пока правительство продолжало сотрудничать с оккупантами. Почти через шесть недель после оккупации Дании, немцы заняли Нидерланды, Бельгию и Францию. Британия оставалась нетронутым рубежом, но с каждой неделей нацисты выглядели все менее уязвимыми.

Долой предателей!

Воодушевленная немецкими успехами на поле боя и щедро финансируемая немецкими нацистами датская нацистская партия в 1940 году попыталась совершить переворот в Копенгагене. Попытка провалилась, но датские лидеры предприняли меры для иммунизации правительства на случай дальнейших попыток нацификации. 2 июля пять партий сформировали "Комитет девяти," который фактически стал реальным правительством. Министров отставили, в том числе министра Мунка, который имел отношение ко всем сферам. Но хотя Мунк и был изгнан, его политика осталась.

Новым министром иностранных дел стал Эрик Скавениус - бывший министр и посол в Германии во время Первой мировой войны, в которой Дания оставалась нейтральной. Скавениус, хотя и был высокомерным и непопулярным, думал достаточно прагматично чтобы иметь дело со зверем в Берлине. Он реализовывал политику сотрудничества с достаточно фаталистическим отношением к делу. Хотя он не был настроен пронемецки, он был убежден, что Германия выиграет войну, поэтому цель была спасти страну от немецко-фашистского угнетения.

Скавениус заметно прогнулся перед новыми хозяевами Дании, заявив, что нация "не должна ни при каких обстоятельствах вступать в конфликт со своим большим южным соседом." Он похвалил немецкие победы на поле боя, заявил о "начале новой эпохи в Европе" и призвал датчан к "активному взаимному сотрудничеству" с Германией. Этот хитрый ход был крючком для датчан: нацисты потребовали от короля увольнения всех министров, кроме Скавениуса, чтобы заменить их нацистами или другими фигурами, которые "понимали новую эпоху". Хотя король отказался, правительство частично удовлеторило немцев: в начале 1941 года публичные заявления, которые могли иметь пагубные последствия для датских международных отношений, считались преступными и даже частный разговор мог привести к тюремному заключению. Новые законы предполагали пожизненное лишение свободы для "врагов оккупационной власти."

22 июня 1941 года немецкие войска напали на Советский Союз. Немцы потребовали от Дании разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом и проведения облав на ведущих членов Коммунистической партии Дании (ДКП). Это поставило руководителей Дании в безвыходное положение: выполнение этих требований способствовал бы дальнейшему ограничению конституционных прав граждан, а отказ мог побудить немцев арестовать коммунистов. Члены консервативной Народной партии признали, что требование "противоречит традиционным датским представлениям о справедливости", однако заявили,

что коммунисты были виновны в "терроре и саботаже". В августе парламент Дании Ригстаг запретил Коммунистическую партию Дании. Триста членов партии, в том числе трое депутатов, были арестованы. Пространство датской свободы сужалось.

Пока боевые действия на восточном фронте продолжались, Гитлер решил, что его борьба против большевизма должна включать всю Европу и в ноябре 1941 года он "пригласил" Данию стать воюющей стороной. На экстренном заседании датские министры вели себя неоднозначно. Фон Рензе-Финк огласил приглашение Берлина 23 ноября: "Дания должна немедленно подписать договор. Если этого не произойдет, Дания будет считаться вражеской страной и столкнется с неизбежными последствиями." Скавениус отправился в Берлин и все подписал.

На следующий день на площади Амалиенборг в Копенгагене в Копенгагене собрались студенты, которые двинулись к редакции датской нацистской газеты, а затем к парламенту Лондонская газета "Таймс" писала: "Они отгеснили полицию в сторону и провели протесты во многих частях города. Были слышны крики: «Долой Скавениуса!» и «Долой предателей!" Полиция применила дубинки, сделала несколько холостых выстрелов, успешно предотвратив захват помещения, где размещался немецкий штаб. Вернувшись из Берлина Скавениус усилил меры безопасности, так как его возвращение могло спровоцировать ещё большие демонстрации.

Все это удивило и немцев, и датское правительство, которым теперь пришлось отказаться от иллюзии, что у политики сотрудничества была реальная общественная поддержка. Через несколько дней правительство осудило действия протестующих, но датское правительство приняло негласное решение, что немцам откажут, если те будут настаивать на использовании датских вооруженных сил и техники на восточном фронт либо потребуют принятия антиеврейского законодательства.

Это не помешало немецкому флоту всего несколько недель спустя захватить шесть новых датских торпедных катеров. Вскоре все датские мужчины призывного возраста были набраны в добровольческий корпус СС «Данмарк». Варианты реагирования на действия оккупантов больше не ограничивались фестивалями и уличными шествиями. Вопрос стал о том бороться на стороне нацистов или против них.

Необходимо всеобщее действие

В начале 1942 датчане начали противодействовать немцам физически, начался саботаж. Одна из групп школьников из Ольборга называлась клубом "Черчиля". Их девиз был: "Если взрослые ничего не будут делать, будем делать мы". "У нас был антинацистский символ, который мы рисовали на стенах, лестницах и везде, где только удавалось", — вспоминает один из их лидеров. "Нашей лучшей работой был поджог грузового поезда с военным оборудованием".

Самую активную диверсионную группу возглавляли коммунисты, ушедшие в подполье после

нападения Германии на СССР. Они создавали отряды партизан-коммунистов (КОПА), которые совершали набеги на небольшие оружейные фабрики. Через нескольких месяцев к сопротивлению позволили присоединиться не только коммунистам, а движение стало называться “партизанами из среднего класса”. Они наносили скудный урон во время операций, но усложняли политику сотрудничества: если бы правительство расправилось с диверсантами, это ослабило бы его уже и без того низкую народную поддержку; если бы оно ничего не делало, это вызывало бы противодействие немцев от отношений с которыми зависело правительство. В это время подпольная пресса начала продвигать сопротивление оккупационным силам. За газетой “De Frie Danske”, которую начали издавать в 1941 году, последовала влиятельная “Frit Danmark”, учрежденная антинемецкими политиками, а затем и другие издания. Многие участники были молодыми и не имели журналистского опыта. У них было лишь несколько пишущих машинок и машин для копирования. Было сложно найти деньги, бумагу, чернила, надежных помощников и безопасное помещение. Тем не менее, подпольная пресса быстро окрепла и так и никогда не была подавлена. В 1942 году подпольное информационное агентство “Информация” начало распространять сообщения от радио “Би-Би-Си”, из Швеции, от датских министерств, новости из источников, которые не подвергались цензуре. В 1943 году общий тираж подпольных изданий достиг 2,6 миллионов экземпляров. Работал координационный комитет подпольной печати и совместный ньюзрум.

Арне Сейр и его друзья покинули Шлагелсе, поступили в университет Копенгагена, присоединились к печатному фронту. Купив старый мимеограф, они создали Студенческую информационную службу. Вскоре они публиковали запрещенные книги, сшивали их и распространяли по квартирах и домах. Бестселлерами стали “Луна зашла” Джона Стейнбека и “Белая книга Дании”, в которой были опубликованы правительственные и армейские документы об официальных встречах во время немецкого вторжения. Примирительные действия правительства, выявленные в них, потрясли многих датчан. Было продано более 20 000 копий. “Слова фюрера”, — сборник выступлений Гитлера с карикатурой на обложке, изображавшей его в рыцарских доспехах на белом коне и со свастикой, — отправили на 2000 немецких военных адресов. Нацисты посчитали изображение оскорбительным и пришли в бешенство.

Подпольная печать, протесты в общественных местах, демонстративный отказ от сотрудничества стали основным ответом датчан на оккупацию. На государственных похоронах премьер-министра Штаунинга в мае 1942 года присутствовало более 12 тысяч человек. Они заполнили крупнейший зал Копенгагена, чтобы засвидетельствовать свое уважение. Ожидалось присутствие короля Кристиана. Когда задние ряды зала зашевелились, все поднялись в уверенности, что приветствуют почитаемого короля. Но вошел посол Германии Рензе-Финк. Один из наблюдавших эту картину заметил, что “сложно представить скорость, с которой это море людей в этом огромном зале опустилось на свои места и демонстративно умолкло”. Прибытие же короля было встречено аплодисментами.

Король Кристиан был воплощением датских традиций и стал ключевой социальной и духовной фигурой страны. До войны он ежедневно ездил верхом через Копенгаген и продолжал эти поездки во время оккупации. Король выезжал без эскорта, тогда как люди

выстраивались вдоль дороги, аплодировали и пожали руку. Немецкие солдаты также пытались обратить на себя внимание короля, но монарх неизменно игнорировал их. "Он поддерживает нас, он объединяет нас, он ведет нас," — говорил епископ Копенгагена.

Еще одной объединяющей фигурой был Джон Кристмас Меллер - парламентарий и бывший министр торговли, который отказался от политики сотрудничества с немцами. В 1941 году нацисты настояли на его отставке. Однако Кристмас продолжал критиковать немецкую политику в подпольных газетах и на массовых собраниях. Рензе-Финк потребовал исключения Меллера из парламента и запрета выступать с антинемецкими речами. Датчане отказались, поэтому немцы решили арестовать его. Но Меллеру удалось сбежать в Лондон, где в течение всего дальнейшего сопротивления он был ярким радио-голосом сопротивления.

В августе 1942 немцы попытались противопоставить нарастающему сопротивлению расширение цензуры и введение смертной казни для бойцов сопротивления. Правительство отвергло эти требования, но также осудило протесты. Через несколько дней Меллер передал через "Би-Би-Си" очередное обращение к стране, гораздо более близкое настроениям на родине: "Необходимо всеобщее действие! Наш долг требует нанести Германии как можно больший урон. Исполните свой долг — сделайте свою работу."

Оскорбления, значки, забастовки

С ростом неповиновения Гитлер убедился, что страна была на грани восстания. В этот момент англичане и американцы готовились к вторжению в Северную Африку и фюрер сконцентрировался на попытках загнать их в угол. Любые потенциальные отвлекающие события, как в Дании, надо было упредить. Поэтому немецкий лидер решил, что необходимо изменение немецко-датских отношений. Для этого ему нужна была провокация, которая бы оправдала его действия.

Это произошло 26 сентября 1942 года, на семьдесят вторую годовщину рождения короля Кристиана. Гитлер направил королю телеграмму с поздравлениями и наилучшими пожеланиями. Тот ответил холодно и кратко: "Премного благодарен. Кристиан Рекс". Гитлер воспринял это как личное оскорбление и знак отказа от сотрудничества Дании. В ответ он вызвал Рензе-Финка и потребовал от Дании призвать 30 000 молодых людей для немецкой армии, а также поменять датское правительство. Лондонская газета "Дейли телеграф" вышла с заголовком "Гитлер готов захватить Данию. Угроза гестапо королю Кристиану".

Берлин отправил в Данию двух новых смотрящих. Генерал Герман фон Ханнекен должен был взять контроль над командованием армии. Генерал Вернер Бест - старый нацистский бюрократ - стал уполномоченным представителем Германии. Во время личной встречи Гитлер поручил ему "править железной рукой". Отдельная директива Берлина требовала назначения премьер-министром давнего любимца нацистов и министра иностранных дел Скавениуса. Тот быстро наполнил кабинет пронемецкими коллегами. Датская общественность, которая и без того уже крайне презирала его, начала проводить протесты и демонстрации.

Вернер Бест не хотел ставить под угрозу поставки из Дании, считая, что первоочередной задачей была победа в войне, а репрессивные меры будут стимулировать сопротивление. Такая позиция привела к прямому конфликту с Ханнекемом. За исключением случаев, когда были другие распоряжения из Берлина, последнее слово пока оставалось за Бестом. Он начал выстраивать довольно хорошие отношения с депутатами и в докладе о первых месяцах работы отмечал, что "датским гражданам надоела война, они устали от нее", датский импорт в Германию вырос, промышленное и сельскохозяйственное производство увеличилось. Берлин был доволен, хотя в действительности Бест приукрасил ситуацию: под внешне спокойной поверхностью усиливались антиоккупационные движения.

23 марта 1943 года Бест совершил одну из своих самых больших ошибок: разрешил Дании провести парламентские выборы. Германия согласилась, так как хотела доказать, что ценит автономию оккупированных стран. Хотя датские коммунисты призвали избирателей опустить в урны пустые бюллетени, другие партии мобилизовали избирателей. Большинство групп сопротивления поддержало коалицию демократических сил. "Движение сотрудничества датской молодежи" распространило более миллиона значков с национальным флагом и надписью "проголосовал(а)". Это не только было символическим жестом, но и пристыдило тех, кто не собирался голосовать. Уровень участия составил рекордные для истории страны 89,5 процента. Оппозиционные партии получили более 94 процентов голосов, получив 141 из 149 мест в Ригстаге. Датские нацисты с трудом удержали три кресла.

В неудаче датских нацистов Бест обвинил их лидера Фрица Клаузена. Тот так и не понял смысла произошедшего, — выборы подтвердили, что иностранному господству датчане явно предпочитали родную демократию. В XX веке редко случалось, чтобы авторитарные режимы серьезно воспринимали субъективную власть и давали возможность укрепить народное движение проведением выборов.

Сопротивление теперь все чаще направляло свои действия на приближение победы в войне. Радио "Би-Би-СИ" усилило призывы датчан к разрыву с Германией. Были составлены черные списки датчан, участвующих в пронемецких действиях. Их имена были зачитаны в эфире, что напомнило кампанию осуждения индийцев, сотрудничавших с британскими хозяевами. Победа антинацистской коалиции, но особенно громкое поражение немцев под Сталинградом, получили большую огласку. Надеялись, что это воодушевит датское сопротивление.

Все это способствовало росту саботажа. В июле произошло 93 случая, а в августе уже 220. Главным зачинщиком была группа "Холгер Данске", названная в честь легендарного датского героя, проснувшегося, когда страна оказалась опасности. "Мне надоело, я устал смотреть на немцев, толпящихся на улицах города", — объяснил Йенс Лиллулунд, который помог основать группу. "Однажды я ехал на велосипеде вдаль Харалсграде и когда прошла рота солдат, не сдержался и плюнул в них. Тогда полицейские схватили меня и потянули в отделение. Я решил, что если буду арестован снова, то это произойдет уже по причине нанесения немцам серьезного урона." Но больше всего захватчикам вредил не саботаж.

Вдохновленные другими знаками активного сопротивления на улицы начали выходить рабочие. Датчане были знакомы с этим типом протеста: в 1920 году в стране прошла общая забастовка. Она была созвана профсоюзными лидерами, которые требовали конституционных изменений (что привело к увеличению полномочий правительства и парламента). Теперь противником стал внешний враг. В Оденсе рабочие верфи остановили работу, когда немецкий командующий города послал на верфь войска после диверсионной атаки на немецкий крейсер, который стоял на ремонте. Для многих датчан не было ничего более возмутительного, чем быть принужденными к работе на иностранцев. Когда известие о забастовке достигло рабочих других заводов, те вышли в знак солидарности.

От Оденсе забастовки распространились на расположенный на западном побережье порт Эсбьерг, где забастовка на рыбном складе переросла в общегородскую "народную забастовку". Буквально все — рыбаки, полиция, пожарные, чиновники и государственные служащие — остановили работу, закрыли двери и собрались в центре города. В ответ немцы объявили строгий комендантский час. Он был проигнорирован. Люди толпились на улицах и отказывались вернуться на работу до тех пор, пока комендантский час не был отменен. После пяти дней немцы смягчили позицию. Два дня спустя вспыхнула следующая забастовка в Оденсе. Сопротивление распространилось и в более крупные города, в том числе Ольборг и Орхус. В Оденсе министерские чиновники, мэр и даже лидеры профсоюзов умоляли рабочих вернуться. Но рабочие видели, что забастовка расстроила немецких солдат и администрацию. Германии нужна была функционирующая датская экономика и рабочие собирались сделать все возможное, чтобы довести ее до полной остановки.

Забастовки в Оденсе приобрели насильственный характер. В какой-то момент задетый негодующими людьми немецкий солдат достал пистолет и несколько раз выстрелил, ранив четырех человек, включая маленького мальчика. В ярости толпа избивала стрелявшего до смерти. Когда об этом узнал Гитлер, он наложил на город штраф в один миллион крон, которые шли на нужды немецкой армии. Также был объявлен комендантский час, закрыты театры и кино, укрытие "виновных в жестоком обращении с немецким офицером" грозило арестом.

Для Вернера Беста забастовки были неприемлемы, он регулярно требовал от датского правительства восстановления контроля. Обещание датского кабинета министров и парламента вернуть страну к "спокойствию и порядку" были проигнорированы рабочими, которые возлагали надежды на лидеров сопротивления. Беста вызвали в Берлин, чтобы тот объяснил, что происходило. Тот посоветовал соблюдать умеренность и утверждал, что забастовки были просто разовыми мероприятиями. Но в этот раз возобладала позиция генерала фон Ханнекена, который давно выступал за военное решение. В условиях неконтролируемого распространения забастовок и саботажа Гитлер в конце концов согласился с генералом. Отказ датчан подчиниться новым жестким условиям означал объявление Ханнекеном военного чрезвычайного положения и захват страны.

Переломный момент

28 августа 1943 года немцы передали датскому правительству ультиматум — провозглашение чрезвычайного положения и восемь конкретных мер: запрет забастовок, собраний более пяти человек, любых личных встреч в закрытых помещениях или на открытом воздухе; комендантский час часью; сдачу всего оружия; введены цензуры; учреждение судов для рассмотрения случаев нарушения этих правил; применение смертной казни за саботаж, оскорбление немецких военных, владение оружием. Одним словом, Дания должна была замолчать. Но ультиматум был полностью отвергнут. "Реализация требований Германии лишит правительство Дании возможности обеспечивать спокойствие," - ответило правительство. Политика сотрудничества завершилась. Скавениус и его кабинет ушел в отставку. На следующий день немецкие войска заняли вокзалы, электростанции, заводы и другие ключевые объекты. Были арестованы влиятельные университетские профессора, редактора, депутаты, предприниматели. Немецкие часовые были размещены в важных зданиях и центрах. Включив радио датчане услышали заявление фон Ханнекена: "Государственные служащие должны продолжать работу, подчиняясь указаниям немецких властей. Все забастовки запрещены и караются смертью ". Все телефоны были отключены, а почтовые отделения закрыты. Военный переворот оставил Вернера Беста в изоляции. Как и другие эгоцентричные политические неудачники XX века, он во всем винил прессу и обличал её в игнорировании призывов не обострять отношения с немцами и не называть их оккупантами и узурпаторами. "В этой смешной маленькой стране распространилось убеждение, что Германия слаба", - сказал он во время встречи с журналистами. "Вчера вечером вы были вознаграждены за это", — добавил он. Репрессивная миссия стала очевидна.

"Конечно, это переломный момент", — написала подпольная "Frit Danmark". "Но на самом деле, это только означает, что положение дел, которое медленно развивалось, теперь публично подтверждено". Августовские забастовки показали, что датчане готовы противостоять немцам, а войска на улицах теперь напоминали, что оккупация Дании была лишь частью более крупной войны".

Рисковал любой имеющий отношение к общественному сопротивлению. В течение трех лет правительство, не смотря на ненавистную политику сотрудничества, было буфером между обычными датчанами и немцами. Хотя после отставки кабинета министров департаменты министерств продолжали функционировать и предоставляли общественные услуги, правительство практически исчезло. Таким образом больше не было щита, отделяющего датчан от немцев, а выяснить планы генерала Ханнекена было сложно.

Для 8 000 датских евреев страх перед неизвестным вырос. С самого начала оккупации датское правительство гарантировало им равные права. Немцы, надеясь предотвратить беспорядки, не обращали внимания на датских евреев. Спустя шесть дней после первоначального вторжения фон Рензе-Финк предупредил Берлин, что "если мы будем делать в этом отношении что-то большее, чем крайне необходимое, вызовем паралич или серьезные беспокойства в политической и социальной жизни. Важность проблемы не следует недооценивать."

Вопреки давлению Адольфа Эйхмана и Генриха Гимmlера, требовавших ужесточения отношения к евреям, Вернер Бест продолжал политику невмешательства, а его начальник министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп не настаивал на изменении подхода. Но когда в августе 1943 года забастовки и саботаж достигли пика, Бест, который всегда чувствовал перемену политических ветров, изменил позицию. 8 сентября он составил телеграмму в Берлин, в которой рекомендовал провести облавы на всех евреев в Дании. Он знал, что это порадует Эйхмана, Гимmlера и, самое важное, Гитлера. Он также просил полицейское подкрепление для проведения арестов. Батальоны "СС" и чиновники спецслужб стали прибывать в Копенгаген 15 сентября. Через два дня Бест получил официальное добро Гитлера. В это же время Бест переживал, что облавы на евреев могут привести к серьезным протестам. Он поделился этими опасениями с аташе Георгом Дуквичем, одним из своих наиболее доверенных контактов в Копенгагене, который в молодости был связан с нацистской партией. Дуквич был против облав, поскольку считал, что это испортит немецко-датские отношения. Ночью он написал ответ Бесту, о котором сделал запись в своем дневнике: "Я знаю, что должен делать".

Бест понимал, что должен выполнять приказы и реализовать план. Еврейский новый год Рош Ха-Шана пришелся на 30 сентября. Еврейские семьи празднуют его дома в четверг и пятницу. План предполагал проведение арестов с 22:00 пятницы и до утра субботы. Ожидалось, что евреи будут захвачены у себя дома с относительно небольшими волнениями. Но ни один немец, даже Вернер Бест, не ожидал того, что сделает Георг Дуквич.

Во вторник 28 сентября после встречи с Бестом Дуквич позвонил своему другу датскому политику Хансу Хедтовту. Он попросил организовать встречу с коллегами Хедтовта из Социал-демократической партии. Рассказывая о немецком плане, Дуквич не стеснялся в выражениях. Он призвал присутствовавших предупредить евреев. Те сразу связались с наиболее важными людьми в еврейской общине, в том числе главным раввином Маркусом Мельхиором и Юлием Марглинским, который организовал оповещение евреев о необходимости укрыться.

Новость распространилась с быстротой молнии не без участия многих датчан, которые не были евреями. Водитель скорой помощи Йорген Кнудсен нашел через местную телефонную книгу адреса семей с "фамилиями, похожими на еврейские". Он поехал к ним чтобы предупредить. Тех, кому негде было спрятаться, он отвозил в больницу либо домой к врачам из сопротивления. К многим другим евреям на улице подходили незнакомцы и предлагали ключи от своих квартир и домов. "Эйхман и его люди не предвидели такого", - сказал Лени Яхил, профессор современной еврейской истории в университете Хайфы. Датские евреи избежали спрятались от преследователей "за живой изгородью датских людей в пространстве одной ночи". Один датчанин писал: "Мы получили большой опыт, потому что увидели, как то же население, которое раньше перед лицом немецкой силы говорило себе "что мы можем сделать?", вдруг поднялось против немцев и все, как один, стали помогать еврейским братьям."

Спасение евреев гальванизировало страну, толкая много датчан в усилить сопротивление.

“Frit Danmark” написала, что датчане не могли уступить немецкой угрозе "даже вопреки страху перед наказанием и вероятностью быть отправленными в Германию за помощь нашим еврейским соотечественникам... мы должны помогать им всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении. Последние две ночи стали частью судьбы Дании, и если мы предадим евреев в час страдания, мы предадим свою родную страну."

Организции, представляющие почти каждый аспект жизни датского общества, осудили немецкие действия. Университеты Копенгагена и Орхуса закрылись на неделю протеста. Датское министерство религии направил письмо протеста Вернеру Бесту и распространило его среди священнослужителей, чтобы те использовали в проповедях. (С этого момента церкви помогали формировать подпольные сети и прихожане стали присоединяться к существующим группам сопротивления в огромных количествах.) Кроме того, созданный незадолго до этих событий Совет свободы, группа из семи человек, которые представляли различные группы сопротивления, издал прокламацию, осуждающую "запущенные немцами погромы".

Но евреи еще не были в безопасности. Немецкий указ от 2 октября предписывал всем неевреям сдавать евреев властям и лишить их возможности безопасно скрываться внутри страны. Они вынуждены были искать способ выехать в нейтральную Швецию. Десятки групп принялись транспортировать евреев из укрытий к побережью, где те садились на рыболовецкие суда, лодки и даже байдарки. Диверсионная группа “Хольгер Данске” сосредоточилась на спасении евреев, до сумерек скрывая их в домах в районе Копенгагена, а затем транспортируя в нейтральную Швецию на 12 рыболовецких судах.

Арне Сейр и его коллеги из Студенческой информационной службы собирали информацию о деятельности немецких войск по пути еврейской эвакуации. Этот бесценный вклад студентов был сделан немалой ценой — пятеро из них были убиты.

Репортеры “National Tidende” поддерживали связь с группами сопротивления и подпольными спасательными командами, обеспечивая информацию о путях эвакуации и номера немецких войск. Для обозначения еврейских беженцев использовалось кодовое слово "картофель". Один журналист приводит примеры сообщений: "восемнадцать мешков картофеля были проданы сегодня миссис Еге... Двенадцать были проданы через посредников в Люнбю... Было бы хорошо переместить картофель в другое место..."

С каждой лодкой еврейских беженцев, которые приплывали в Швецию, датское сопротивление могло насладиться еще одим успехом, и это помог укрепить боевой дух и пополнить ряды сопротивления. Хотя немецкие солдаты продолжали преследования датских евреев в течение следующих нескольких месяцев, их усилия были в основном напрасны, так как 7220 евреев успешно бежали в Швецию. Только 472 были взяты в плен во время рейдов 1 и 2 октября. Национальная солидарность, которая сделала возможной операцию спасения евреев, привела к более жесткому сопротивлению датчан к немцам и убедила союзников о скептическом настроении датчан, а также том, что хорошо организованное сопротивление с четкими, ощутимыми и достижимыми целями может подорвать мощь Третьего Рейха.

Самая большая победа датского народа

На волне успеха датское сопротивление было еще больше мобилизовано убийством одного из самых почитаемых поэтов и драматургов страны Кая Мунка. Священник по профессии, Мунк посвятил новогоднюю проповедь осуждению немецкой оккупации и призвал аудиторию к саботажу. Вскоре немецкий террористический отряд выволок его ночью из дома и расстрелял. Актер Келд Абель, открывая вечером следующего дня представление в копенгагенском Королевском театре, попросил аудиторию "посвятить это мгновение мыслям о величайшем драматурге Дании, который умер сегодня." Театр замолчал. Абель взял пальто и покинул зал. В течение следующих нескольких дней, несмотря на запреты, было много поминальных служб, а книготорговцы закрыли свои окна черной бумагой.

В этот напряженный момент Совету Свободы удалось добиться согласия датской армии признать Совет в качестве фактического правительства страны — до формирования королем нового свободного руководства. Совет согласился с тем, что первой целью сопротивления должно быть активное противодействие немецким войскам, и был создан Командный комитет координации всех действий сопротивления. Охватив сотни населенных пунктов, датское сопротивление теперь имело централизованное командование и единый голос. В начале 1944 года Дания была разделена на шесть регионов сопротивления, каждый из которых не зависел от других, но все подчинялись Командному комитету. Подпольные ополчения были сформированы в каждом регионе и были обучены пользоваться оружием, поставляемым контрабандой из Великобритании и Швеции.

В течение месяца они начали действовать наряду с другими диверсионными единицами и наносили удары по ряду датских объектов, которые производили для немцев стрелковое оружие, танки, самолеты и артиллерию. В июне диверсанты осуществили девятнадцать нападений на железнодорожные линии, что было втрое больше, чем за предыдущих пять месяцев.

Совет Свободы теперь вел сопротивление за пределы своей предыдущей миссии утверждения датской автономии к более динамичным действиям, направленным на сокращение немецкой эксплуатации Дании. Но один из его членов не считал, что сначала нужно было достичь другую цель. В письме Джону Кристмас Меллеру в Лондон, Фроде Якобсен утверждал, что "битва за душу нашего народа является для меня самой важной... Считаю, что вопрос должен звучать: "Как я могу привлечь массы людей в борьбу?", а не "Как я могу нанести немцам максимальный урон?" Держу парадоксальное пари, что для достижения одного и того же эффекта лучше участие 1000 человек, а не 10.

По этой причине Якобсен возражал против желания датской армии разворачивать подпольную армию, — он верил, что методы сопротивления должны быть доступны всем гражданам, большинство которых не живет в подполье.

Он хотел, чтобы против немцев выступило всё население, а не просто группа вооруженных боевиков. Так, так это понимал Ганди: эффективное сопротивление иностранной оккупации

требует участия людей из всех слоев общества. Когда большая часть населения выступает против иностранных сил, когда люди лишают оккупантов своей поддержки, тогда они лишаются и необходимого для управления сотрудничества и легитимности для претензий на право управлять.

Обращаясь ко всем датчанам Совет отдавал предпочтение ненасильственному сопротивлению. "Все мы должны целенаправленно и неумолимо... создавать препятствия... отказывать, задерживать, сокращать". Насильственное сопротивление могло осуществляться только теми, "кто имеет мужество и средства" и должен был быть направлен "против жизненно важных объектов оккупационной власти." Но с усилением саботажа ужесточились и немецкие репрессии. Их обычно осуществлял датский добровольческий корпус СС "Шальбург", ветераны пронацистского датского добровольческого корпуса СС "Данмарк". Они прибегали к контрсаботажу, практиче получившей название "шалбуртаге", — нападения на объекты и символы имеющие значение для всех датчан. Например, через два дня после диверсии на заводе, производившей винтовки для немцев, добровольческий корпус СС "Шальбург" поджог датский фарфоровый завод и заминировали известные копенгагенские сады Тиволи.

В середине июня Бест получил приказ Генриха Гимmlера расправиться с диверсантами. Двадцать пятого числа он издал еще один указ, устанавливающий чрезвычайное положение во всей стране и комендантский час между 8:00 вечера и 5:00 утра. На следующий день 1200 рабочих копенгагенской верфи "Burmeister & Wain" покинули работу в час дня. Они заверили своих боссов, что не бастуют, а просто уходят с работы пораньше для того, чтобы работать на своих огородах, так как из-за комендантского часа у них не было достаточно времени. Вест об этой уловке быстро облетела заводы и стала поводом для остановки работы.

Вместо полива цветов, окучивания картофеля и собирания колорадских жуков, датчане вышли на улицы Копенгагена с демонстрациями протеста против немцев. Подпольное информангентство сообщало, что "копенгагенцы стоят группами по сотне человек на углах улиц, а это мешает проходу немецких патрулей". Датской полиции они посоветовали "не вмешиваться". И та не вмешивалась. Люди перекрыли улицы баррикадами из брусчатки, фургонов, велосипедов, и забрасывали немцев, которые отрывали огонь, всяким хламом." К концу дня шесть датчан было убито и десятки были ранены". На следующее утро рабочие заводов со всего города присоединились к забастовке. Кампания "идем домой рано" распространилась на весь город и теперь части Копенгагена открыто восстали.

Опасаясь худшего, Вернер Бест отсрочил начало комендантского часа до 23:00, но безрезультатно; трамваи и автобусы стали частью баррикад, а ночное небо осветили костры. Забастовки остановили производство и транспортировку оружия и транспортных средств немецкой армии, которая к тому времени столкнулась с серьезным противодействием войск союзников по всей Европе. Разъяренный хаосом Бест созвал экстренное совещание с датской администрацией и профсоюзными лидерами. Он угрожал суровым возмездием в случае продолжения забастовки и предупредил датских чиновников о личной ответственности.

Обдумав это, власти дании обратились к общественности. "Нависла угроза непоправимых последствий... Поэтому убедительно просим всех возобновить ежедневную работу". Но зная, что датчане не воспримут заявление всерьез без упоминания немецких репрессий, они также дописали несколько слов обвинений в адрес немцев за "предпринятые меры, о которых стоит сожалеть". Это разозлило Беста, который приказал немецким войскам отключить во всем городе газ, электричество и воду. На заключительной встрече с датскими чиновниками Бест заявил, что "затронули честь немцев, и за это придется пострадать... Копенгагенский сброд попробует кнут".

Поздно вечером 30 июня Совет Свободы провел экстренное заседание и решил, что забастовки стали крупнейшим действием сопротивления немцам за все время и их надо поддержать. "Это крупнейшая национальная демонстрация за всю историю Дании", заявил на следующее утро Совет. "Неоднократные нападения добровольческого корпуса СС "Шальбург" на жизнь и имущество, систематическое нарушения законов и гражданских прав немецкими оккупационными силами исчерпали терпение народа. Совет Свободы поддерживает продолжение забастовки до тех пор, пока добровольческий корпус СС "Шальбург" не будет упразднен, а ограничения чрезвычайного положения не будут сняты". Насилие со стороны сопротивления не очень ослабило немцев, но насилие в отношении датчан заставило народ восстать и присоединиться к массовым ненасильственным действием.

Немцы попытались отрезать Копенгаген от внешнего мира. Однако немецкие войска были на фронтах за пределами Дании и попытка заблокировать Копенгаген провалилась. Забастовки в городе усилились, были вырыты траншеи, рабочие разобрали мощные улицы и швыряли камни в немецких солдаты, которые отстреливались. Вечером в субботу 2 июля 23 датчанина были убиты и более 203 ранены. Забастовки и протесты распространились в города на Зиланде и Ютланде. В ответ немцы ввели танки в центр Копенгагена. Начали распространяться слухи, что столицу будут бомбить. Поскольку вода и электричество были отключены, люди набирали воду из близлежащих озер, собирали дрова и готовили пищу на улицах. Подпольные группы координировали тайные поставки молока, яиц, сыра, а владельцы магазинов продавали продукты по сниженным ценам.

Несмотря на это сопротивление не было ясно, как долго люди могут терпеть эти условия, а угроза бомбардировок люфтваффе казалось опасной реальностью. Поэтому местные власти, профсоюзные чиновники, ключевые законодатели пытались стать посредниками между немцами и Советом Свободы в попытках остановить цикл датских провокаций и немецких репрессий. Бест согласился вывести ненавистный добровольческий корпус СС "Шальбург" из города, отменить комендантский час, приказал немецким войскам не стрелять в датских граждан. Он также пообещал после окончания забастовки отменить чрезвычайное положение, включить газ, воду и электричество.

Для немцев "Народная забастовка" стала тревожным открытием: политика отказа от сотрудничества, провозглашенная Советом Свободы, теперь властвовала над Данией, а забастовка разрушила остатки уверенности в немецком контроле над страной. Эффект этих неудач был усилен военными поражениями на полях по всей Европе, что деморализовало

оккупационные войска и вдохновило датчан. В понедельник вечером 4 июля Совет распространил "Бюллетень победы" со списком немецких уступок и благодарностью гражданам Дании за фантастическую стойкость перед лицом немецких репрессий. Он также заключал, что всеобщая забастовка является гораздо более эффективным оружием, чем обычные акции. Народная забастовка, а не баррикады и беспорядки на улицах были решающим фактором. На этот момент крупнейшей победой датского народа за все время оккупации стала Народная забастовка в Копенгагене".

С этого момента Совет Свобода отдавал предпочтение не саботажу и военным мерам, а ненасильственным методам сопротивления. В августе 1944 Совет перестал организовывать подпольных ополченцев и вместо этого стал координировать забастовки. Один из членов Совета писал: "Мы можем всего за несколько часов начать всеобщую забастовку. От государственных учреждений и до обычного менеджера. Вся страна остановится, если мы этого захотим. Мы можем начать всеобщую забастовку во всех отраслях, а можем только там, где это целесообразно, оставив другие отрасли работающими в обычном режиме." Ограниченные, контролируемые и избирательные ненасильственные забастовки теперь будут вопросом выбора санкции.

12 июля и 29 августа в полдень страна почтила память погибших в Народной забастовке двумя минутами молчания. В течение последующей оккупации такие мероприятия часто повторялись. 14 августа 1944 года вспыхнула забастовка работников на верфи "Burmeister & Wain", как ответ на казнь одиннадцати датских подростков за участие в диверсионных акциях. Совет Свободы призвал к суточной забастовке на следующий день. Совет также призвал рабочих "избегать демонстраций, сохранять спокойствие и достоинство". Забастовка быстро распространилась по всей стране и в течение десяти дней в ней приняло участие пятьдесят четыре города.

Всего месяц спустя 14 сентября прошли массовые стачки против депортации датских заключенных в Гамбург. В рамках соглашения между Вернером Бестом и бывшим датским правительством был создан концлагерь в Фрёлсеф, чтобы датские заключенные могли оставаться на датской земле. Теперь Бест отрекся от своего обещания и двести заключенных были отправлены в Германию. В ответ датские железнодорожники прекратили работу на границе с Германией. Забастовки вскоре распространилась на Ютланд, остановив железнодорожную сеть. Немцы в значительной степени зависели от железных дорог для доставки войск на фронт. Их ответ был подобен ответу французских властей в Рурской области: были захвачены ключевые станции. Бастующим угрожала казнь, еще пятсот заключенных должны были депортировать. Опасаясь приведения угроз в действие директор железной дороги и профсоюзные лидеры попытались убедить рабочих возобновить работу, но безрезультатно. На Ютланде вспыхнули массовые забастовки. Совет Свободы их поддержал и призвал к общенациональной забастовке до полудня в понедельник. На утро жизнь в городах замерла, снова остановив производство для немецкой армии.

Вскоре состоялась последняя и крупнейшая забастовка времен оккупации. 19 сентября под прикрытием сирен ложных воздушных тревог в Копенгагене, Орхусе, Ольборге и Оденсе,

грузовики немецких солдат выгрузились перед штабами и подразделениями полиции и начали арестовывать датских полицейских. Немцы считали датскую полицию ненадежной, поскольку та закрывала глаза на саботаж и волнения. К концу дня около 10 000 полицейских были арестованы и разоружены. Была взята под стражу полиция замка Амалиенбург, охранявшая короля. Когда немецкий офицер сообщил королю, что над замком приказано поднять свастику, король отказался и воскликнул: "Если это произойдет, солдат снимет его". "Этот датский солдат будут расстреляны," — ответил офицер. "Это датский солдат — я", — уточнил король. Свастика так и никогда не появилась над замком.

В ответ на аресты полицейских Совет Свободы призвал к очередной всеобщей забастовке о конца недели. Гражданам было настоятельно рекомендовано держаться подальше от улиц и ждать "подходящего момента".

И снова пятьдесят городов и весь Ютланд приняли участие в забастовке, которая сопровождалась редкими насильственными столкновениями. Но без полиции на улицах увеличился уровень преступности в больших городах. 22 сентября Совет Свобода призвал поддерживать дисциплину, были подняты максимальные штрафы за различные преступления, а подпольная милиция стала муниципальным корпусом стражи.

Порядок был более или менее восстановлен осенью, когда датчане вместе с большей частью оккупированной Европы ожидали окончания войны, надеясь, что это произойдет через несколько недель. Война и предстоящая зима привели к нехваткам в Дании угля, газа, воды, электричества и продуктов. Также частично отсутствие полиции приводило к ещё большему росту преступности. В то же время Гестапо преследовало активистов, проникая в их ряды, из пытали и убивали. Добровольческий корпус СС "Шальбург" вернулся в Копенгаген и сжигал помещения, где скрывались подозреваемые в диверсиях. Тогда были арестованы целые группы сопротивления, вместе с видными членами Совета Свободы. Вспыхнули ответные акции протеста, но из-за плохой погоды из действия не были достаточно успешными. Более эффективным оказался отказ датской администрации отправлять работников на немецкие заводы в Ютланде. Подпольные группы сопротивления росли; к концу войны в них было более 45 000 членов.

Тем не менее оккупированная Дания оставалась в опасности. Если бы немцам удалось устранить Совет Свободы, то не было понятно, как оставшиеся датские власти, которые до сих пор были щитом для датчан, а не источником сопротивления, поступали бы в условиях новых угроз. В основном граждане считали администрацию частью примирительной политики Скавениуса и доверяли лишь Совету Свободы. Для предотвращения немецкого нападения по просьбе сопротивления британская авиация разбомбила три наиболее важных штаба Гестапо: в Орхусе, Оденсе и Копенгагене. Эта была атака, которая, вероятно, спасла жизни тысяч бойцов сопротивления.

Весной мир, наконец, пришел в Европу. 1 мая 1945 года из новостей "Би-Би-Си" мир узнал о самоубийстве Гитлера, а спустя три дня о капитуляции Германии. Датчане радовались, праздновали на улицах в каждом городе и деревне. "Вдруг появились свечи в окнах", —

вспоминает Нинна Алмдал из университета Копенгагена. "А потом все вышли на улицы, заполнив центр города и замок Амалиенбург. Вдруг появились автомобили с участниками сопротивления, улица была заполнена членами подпольного движения. Их все приветствовали и было потрясающее чувство освобождения и счастья".

Группы сопротивления взяли на себя ответственность за обеспечение правопорядка, в то время как полиция арестовывала датских коллаборационистов. Совет Свободы объединился с другими лидерами сопротивления и недавно вернувшимся Джоном Кристмасом Меллером. Они сформировали временное коалиционное правительство. Вскоре после войны Вернеру Бесту и генералу фон Ханнекену были предъявлены обвинения в организации актов контрсаботажа и депортации евреев. Бест был признан виновным и приговорен к смертной казни, в то время как Ханнекен был приговорен к восьми годам лишения свободы. Оба подали апелляцию в суд Дании. В результате Бесту сократили срок до пяти лет лишения свободы, а генерал фон Ханнекен был освобожден. Сопротивление не лишило датчан способности к снисхождению.

Благодаря гражданской солидарности, которая питала сопротивление Дании, страна вышла из войны в хорошем состоянии. Власти союзников обнаружили, что Дания не только могла прокормить себя, но имела излишки продовольствия на экспорт в другие страны Европы. Датчане выдержали немецкую оккупацию, не подвергаясь такой жестокости, с которой сталкивались другие европейцы, пребывавшие под нацистской оккупацией. В этом и заключается преимущество ненасильственной борьбы, когда общество само себя применяя оружие. Некоторые датчане были разочарованы, что многие их соотечественники, в отличие от норвежцев, греков или сербов, не взяли оружие и не боролись с оккупантами на каждом объекте. Но водянистые низменности Дании не были идеальным пространством для маневров вооруженных партизан, а пока против немцев велась борьба на всех фронтах Европы, датское сопротивление заметно сократило возможности нацистов.

Датчане доказали, что каким бы ужасным не был противник, с которым сталкиваются борцы ненасильственного сопротивления, если оно настойчивое, изобретательное, то народное движение не остановить военными действиями и репрессиями. Последние могут только вдохновить сопротивление. Зная, что немцы хотели, чтобы датчане покорилось, датчане этого не сделали и смогли оградить большинство граждан от полномасштабных репрессий и уменьшить угрозу для жизни населения.

Если самый жестокий в истории XX века нацистский режим убийц мог быть выведен из строя датскими школьниками, диверсантами-любителями, подпольными священнослужителями, существуют ли другие режимы, неуязвимые перед ненасильственным сопротивлением?